

# Lilia Wykova

---

## Функциональный аспект категории рода существительного в названиях лиц : к типологии соотношения род - пол

---

Studia Rossica Posnaniensia 19, 207-219

---

1988

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej [bazhum.muzhp.pl](http://bazhum.muzhp.pl), gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

## JEZYKOZNAWSTWO

### ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ РОДА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В НАЗВАНИЯХ ЛИЦ (К ТИПОЛОГИИ СООТНОШЕНИЯ РОД — ПОЛ)

*THE FUNCTIONAL ASPECT OF THE CATEGORY OF GENDER OF  
NOUNS IN PERSONAL NAMES OF SEXES  
(IN THE QUESTION OF TYPOLOGY OF RELATION: GENDER—SEX)*

LILIA BYKOVA

Char'kowskij Uniwersytet im. M. Gor'kogo, Kafedra Russkogo Jazyka,  
Płoszczad' Dzierżyńskiego 4, Char'kow, SSSR — USSR

**АБСТРАКТ.** In the article the author has discussed the problem of relation: gender — sex in personal names, especially from the point of view of functioning of the category of the gender of nouns.

1. Функционирование морфологических категорий (МК) определяется их спецификой. Наиболее глубокое определение МК находим в работах А. В. Бондарко (1\*, 2).

В единстве аспектов, раскрывающих онтологические признаки каждой МК русского языка (величины многопризнаковой), в работах лингвиста представлена в сопоставительном плане и характеристика категории рода (КР) имен существительных.

Обладая главными признаками МК — обязательностью и регулярностью, — КР имеет следующие специфические характеристики. Является не словоизменяющей а классификационной, некоррелятивной (граммемы рода — разные лексемы); имеет структурную, а не семантическую доминанту (хотя структурное содержание совмещается у одушевленных существительных с семантическим содержанием, исходящим от лексико-грамматических рядов отношения к полу); относится к числу неактуализированных категорий, т. е. непредикативных; не обладает синтаксической значимостью в смысле

---

\* Цифра обозначает номер работы в литературе на конце статьи.

влияния на структуру предложения, а имеет лишь структурную значимость; относится к числу синтагматически обуславливающих МК. Эти признаки КР несомненны. Вызывают вопросы две характеристики КР.

Род существительных отнесен к не интерпретационным, а отражательным МК, между тем как языковая семантическая интерпретация одних и тех же отношений в объективной действительности занимает в КР довольно значительное место-особенно на уровне речи. Род в сфере названий лиц интерпретирует „трактует” реальный пол (отражательная семантика) либо как пол (*дядя-тетя*), либо как лицо (*враг, человек, жертва*).

Род призван посредством словообразования или синтаксиса восполнить недостающую оппозицию по полу („Пусть попыхтят, потанцуют балеруны мясников” — Е. Евтушенко; „Что опечалилась, милый товарищ?” — А. Вознесенский).

Элементы речевой семантической интерпретации выступают особенно ярко на эстетическом уровне („Как архангельща времен, на стенных часах над рынком баба вывела: «Ремонт»”; „А вы, Резанов, из куртизанов!” — А. Вознесенский).

В классификации А. В. Бондарко КР не находит места ни в числе альтернативных категорий (что совершенно очевидно), ни в числе деривационных, хотя автор отмечает, что формы рода (лексемы) связаны с процессом словообразования и лексико-семантическим своеобразием словесного материала (1 с. 193 и далее).

В структуре МК рода автор подчеркивает ее некоррелятивный характер: граммы трех родов и их оппозиции представлены на отвлеченно-грамматическом уровне; на уровне репрезентации в речи они существуют лишь в реальных лексических единицах, существуют лишь в парадигматическом ряду и относятся к уровню слова, а не языка. Каждая форма противопоставлена любой другой форме, лексеме входящей в ряд, и всем вместе взятым.

Граммемы рядов форм (лексем) одновременно подразделяют существительное на подклассы лексики.

Идея структурного (а не семантического), отражательного (а не интерпретационного), некоррелятивного, даже не деривационного содержания МК рода нашла отражение в решении автором главной дискуссионной проблемы: грамматический род и пол живых существ.

Как известно, по этому поводу существуют два мнения. Одни исследователи — в частности, В. М. Никитевич (3, с. 15 и далее), И. П. Мучник (4, с. 89 и далее), составители Гр-70 (5), АГ-80 (6) — считают, что род в сфере названий живых существ имеет реально-семантическую, содержательную характеристику, что отнесенность к полу входит в содержание КР. Пафосом этой идеи проникнута статья А. А. Брагиной (7).

С точки зрения других ученых, — И. Г. Милославского (8), А. Б. Шапиро,

А. В. Бондарко (2, с. 190 и далее) — отношение к полу — это лексическое содержание соответствующих единиц, это оппозиции лексико-грамматических разрядов, которые сопряжены, но не сливаются, не смешиваются с МК рода. По мнению А. В. Бондарко (2, с. 194), КР отличается от оппозиции по полу и самим видом корреляции (*трехчленная* — *двучленная*), и вторичностью, попутностью специализации грамматических формантов рода на выражении пола лексическими единицами (*отец—мать*), и, наоборот, вторичностью пола при выражении словообразовательными формантами рода (*учитель—учительница*), и отсутствием во множественном числе грамматического значения рода при сохранении семантики пола (*колхозники—колхозницы*), и универсальностью рода при неуниверсальности пола.

Однако автор признает, что концепция, которая приписывает значение пола грамматическому роду, имеет основания: на грамматический род как бы переносится та семантика, которая принадлежит разрядам лексики.

Схематизируя отношения между родом и полом, А. В. Бондарко показывает симметричность рода (пол) (*губернер — губернатка*) и проявление асимметрии: мужской род — мужской и женский пол (*учитель*), женский род — женский пол (*учительница*). Словом женского рода лицо мужского пола названо быть не может.

Деление названий лиц по полу представлено схемой: разряд слов со значением мужского пола или мужского и женского — разряд слов со значением женского пола, а на периферии — слова со значением нейтрального отношения к полу.

Общая, „констатирующая” схема род/пол может служить исходной базой для распределения в ней реального лексического материала. Трудность состоит в том, чтобы определить место лексемы или класса лексем в этой схеме — практически решить вопрос об означаемом мужского рода: будет ли им только мужской пол (*губернер*), или мужской и женский (*учитель*).

Эта схема ориентирована на соотношение рода/пола в системе языка, а не в речи, не в собственно функционировании; в ней неясно соотношение: „значение мужского и женского рода” — и „нейтральное отношение к полу”.

2. Что представляет собою функциональный аспект КР? Содержание понятия — „функциональная грамматика” (ФГ) является дискуссионным. Очень конкретно применительно к морфологии сформулировал задачи ФГ А. В. Бондарко: законы функционирования (действия в динамике речи) грамматических единиц (статических, унифицированных, исчисляемых в абстрактно-грамматической системе) во взаимодействии с единицами других уровней; реализация правил их сочетаемости; целевое назначение элементов при употреблении их в универсальных и коммуникативно-ориентированных контекстах и ситуациях речи, которое не обязательно связано с системной значимостью элементов; актуализация их значения; определение изофункциональных единиц, способных передавать одно и то же содержание (10, с. 21

и далее). ФГ должна включать в себя систематизированное описание лексических ресурсов языка в их функциях именования и непосредственной коммуникации.

Эти аспекты, общие задачи изучения функционирования МК в общем виде приложимы и к КР. Однако специфика КР, находящейся на периферии грамматики, на пограничье с лексикой, определяет то обстоятельство, что функционирование лексем рода это фактически и есть их способность обозначать, называть лиц мужского и женского пола (ее надо открыть в самой лексеме), что к изучению функционирования, по сути, относится словарный поиск лексем для выражения женского пола, установление соотношения между родом и полом в лексемах мужского рода, выявление родоизменяемости, отношений в оппозициях лексем мужского и женского рода и т.д. Эта, казалось бы, словарная работа раскрывает, по нашему мнению, главное содержание функционирования МК рода в сфере названий лиц. Естественно, что такое направление анализа опирается и на текст, а при наблюдениях над собственно функционированием — на речевой материал нестандартного употребления.

„Задача описания лексических ресурсов языка в их функциях именования и непосредственной коммуникации” применительно к КР в сфере названий лиц является самой трудной. Она заключается в выделении таких разрядов лексики, которые были бы релевантны для соотношения рода/пола и обнаруживали бы „единство поведения” в реализации этих отношений (эти группы, следуя за А. В. Бондарко, можно назвать лексико-семантическими-ЛСГ). Для ЛСГ категории рода в сфере названий лиц применимы общие признаки этих разрядов, релевантных для морфологических категорий вообще: типовое, обобщенное содержание; воздействие на МК и регулирование отношений соотношенности — несоотношенности граммем; чувствительность к различиям между группировками слов; значимость словообразовательных разрядов для отношений в МК; отсутствие стройной систематизации, которая могла бы быть основана на едином принципе, — неоднородность, нелогичность, непоследовательность, пестрота, неправильность, пересекаемость группировок.

Трудности выделения и характеристики ЛСГ рода/пола связаны с тем, что названия лиц (в „исходной форме” в основном мужского рода) — это сложно организованное семантическое поле (в классификации М. А. Белоусовой свыше 70 классов, групп и подгрупп — см. 14), включающее в себя лексику актуальную и периферийную, производную и непроизводную, входящую в открытые и закрытые для словопроизводства модели; это лексика пригодная в принципе для обозначения обоих полов, зависимая в этом качестве от экстралингвистических факторов, широко выходящая в сферу новообразования (общезыкового и индивидуально-речевого), в сферу речи.

3. Проблема соотношения рода/пола в сфере названий лиц в русистике достаточно исследована (около 20 позиций, специальных и затрагивающих

вопрос). Можно сказать, что задача решалась „по частям”, проблема рассматривалась с разных сторон. От пола к роду: в аспекте оппозиции по роду/полу в тематических разрядах лексики (26), в плане словообразования со значением женскости (25, 19), в аспекте тенденций развития соотношения рода/пола в отдельных группах слов (22, 23), в плане анализа однокоренных слов мужского и женского рода со значением лица (21), анализа и оценки разговорных (16) и окказиональных (24) новообразований; от рода к полу — в плане изучения родонеизменяемых слов мужского рода отдельных тематических групп (20).

Частичные сведения о соотношении рода и пола дают толковые словари, специальные тематические словари, где отмечается и лексема женского рода (11, 12), словари новых слов (15), словообразовательные словари и справочники (5, 6).

Нельзя, однако, сказать, что отношения род/пол изучены на всем объеме словарного материала, что лексика названий лиц представлена в системе ЛСГ (изучаются наиболее „яркие” разряды). Работа над изучением феномена отношений род/пол ведется эмпирически, без применения такой процедуры анализа, которая бы учитывала все явления, „работающие” на эти отношения и необходимые при анализе во всем их комплексе. Нет исследований, в которых были бы систематизированы эти явления, нет монографических исследований по проблеме род/пол. На базе такого теоретического исследования, опирающегося на большой словарный массив, может быть создан общий (или с учетом ЛСГ) словарь названий лиц мужского и женского пола, в котором были бы практически решены сложные отношения между родом и полом (с разграничением явлений языка и речи, с привлечением — в аспекте собственно функционирования — изофункциональных единиц, способных передавать одно и то же содержание, универсальных и коммуникативно ориентированных контекстов).

В настоящей статье и делается попытка определить, систематизировать и конкретизировать (на материале выборки из словаря Ожегова и АГ-80 лексем, репрезентирующих, как кажется, все типы соотношений между родом и полом — около 1000 слов — и текстового материала) задачи, аспекты и факторы, которые могут быть приняты во внимание при изучении функционирования КР в таком общем понимании этого явления с дальнейшей конкретизацией понятия.

4.1. Для изучения МК рода в его реальном содержании относительно пола на словарном лексическом материале следует идти от исходной и в принципе двуфункциональной лексемы мужского рода. Одно-или двуфункциональность (мужской пол или мужской и женский) зависит в первую очередь от отсутствия или наличия коррелятивной пары женского рода-пола, так как отсутствие пары, как правило, делает лексему двуфункциональной (*оптонент, абориген, подросток*), а наличие — одно- и двуфункциональной (ср. *ткач*,

*студент, колхозник, ученик, гувернер, бахвал* — и *учитель, аспирант, делегат, ассистент* и под.). Поэтому изучение функционирования мужского рода в основном идет под знаком выявления способности лексемы к „родоизменению” и реализации этой способности. Тематические классы слов, которые обычно подвергались анализу в плане соотношения род/пол (названия степеней родства, лиц по национальности и месту жительства, возрасту, по профессии и роду деятельности, со значением качественной характеристики и др.) и выделялись с ориентацией в первую очередь на родоизменяемость, родовую корреляцию (см. 26, 18, 20, 21, 23).

Нами была предпринята попытка проанализировать материал шести групп, традиционно относимых к числу релевантных для рода-пола: 1) родо-неизменяемые имена, гипонимические по отношению к индивидуализирующим названиям, иррелевантные по отношению к полу (человек, лицо, тип); 2) *seksus* — группа со значением родства; 3) *seksus* — группа имен по отнесенности к национальности и месту жительства; 4) *seksus* — группа со значением возраста; 5) *masculinum* — группа со значением профессии, рода занятий; 6) группа имен со значением качественно-характеризующим (предикатным, пропозициональным). Названия групп здесь сокращены; их характеристика учитывает сложившиеся эмпирические представления; о трудностях выделения этих групп в плане смысловом говорить не приходится. Были выделены и проанализированы группы 7 и 8, биологически и социально связанные на уровне лексической системы только с одним полом или рассчитанные на массово мужской или женский эталон (*священник, ксендз, донжуан, генерал, рубака, пиaseц-куртизанка, институтка, попадьа, пряха, белошвейка*). Оставив „за кадром” массовый фактический материал, подведем итоги наблюдений.

Инвариантным значением пола при словообразовательных отношениях можно считать значение лица. Это значение манифестируется всегда в мужском роде. Немаркированный в целом мужской род стоит над полом (ср. реакция на стук в ворота: „Кто этот полуночник?” — В. Белов; вопрос рэбенка об артисте непонятого пола: „Он кто, дядя или тетя?” — А. Алексин).

На уровне лексической системы, общелитературного словаря только гипонимическая группа оказывается монолитной в смысле иррелевантности к полу.

Все прочие не могут быть названы ни *masculinum*, ни *seksus* группами (можно говорить лишь о тенденции, о симметричности большинства или части корректно организованных единиц). Во второй группе: *отец-мать, племянник-племянница* — и „неноменклатурные” *пращур, предок, отпрыск, потомок*); в третьей: *русский-русская, никарагуанец-никарагуанка* — и *готы, гунны, гольды, поляне, древяне; москвич-москвичка, владивостокчанин-владивостокчанка* — и *волгарь, донец, кавказец, абориген*; в четвертой: *девочка-мальчик, старик-старуха* — и *грудник, ребенок, младенец, подросток, однолеток*; в пятой: *ткач-ткачиха, учитель-учительница* — и *инженер, атомник, рыболов*;

в шестой: *хвастун-хвастунья, бахвал-бахвалка* — и *едок, седок, торгаш; новатор, нытик*.

Специфика 7 и 8 групп состоит в том, что здесь в силу закрепления лексемы за полом, являющегося основанием для выделения этих групп, могут вступать в силу разного рода несловообразовательные оппозиции — ассоциативные пары, осознаваемые на основе функциональной общности (*машинистка-переписчик, кухарка-повар, балерина-танцовщик, партнер, гаер-шутиха*), относительного единства семантического содержания (*бабник-кокошка, альфонс-проститутка*), на основании осознания своеобразного „партнерства” (*арлекин-коломбина, донжуан-мессалина*).

Массовое явление родонеизменяемости, охватывающее огромное большинство слов 5 и 6 групп, небольшую часть лексики 2, 3, 4 и других более частных групп, не представленных здесь, в силу отсутствия корреляции составляет квалифицировать их как оставшиеся на стадии лица — мужского и женского пола в зависимости от употребления. Явление это нельзя квалифицировать как дефектное, так как значение женского пола получает выражение через грамему мужского рода, а контекст (или слово женщина) снимает двусмысленность — род/пол вступает во взаимодействие с единицами других уровней.

Думается, что не только „для речевого обихода” (7, с. 72), не только для ситуации акцентирования женского пола, но и для языкового сознания существует потребность в лексеме женского рода: оно ориентировано на систему родоизменяющихся моделей.

Представляется, что путь к выделению более аутентичных ЛСГ может лишь учитывать лексические группировки, но в связи с реальной картиной полной и частичной неоднородности родоизменения в их пределах должен вести к выявлению предрасположенности лексем, независимо от их принадлежности к лексической группировке, к образованию коррелята.

На феномен родонеизменяемости надо посмотреть не только со стороны социальной (социальный заказ, актуализация, экстралингвистические факторы и т.д.), но и со стороны лингвистической — особенностей лексического значения, предназначенности номинации, со стороны сферы использования лексемы, ее структуры и происхождения. Маскулизм поддерживается лексическим типом значения (он нуждается в специальном изучении), близкого к гипонимическому т.е. более отвлеченного, недифференцирующего: *агностик, антагонист, демагог, антипод, арбитр, гегемон, вассал, вандал, аноним*- ср. *анонимщица, возбудитель, вершитель* и огромное множество подобных (ср. в выделенных группах: *абориген-африканка, предок-племянница; кавказец-москвичка; подросток-девочка и мальчик; гений-умница*). Однако это деление часто выводится из способности к родоизменяемости, границы „типов значения” неясны: ср. *враг* — и *друг-подруга, депутат-депутатка, товарищ* (ср. польское *towarzyszka* — *приятельница, автор* (ср. *autorka*)-*поэтесса, диссидент-декадентка*



и многие другие. При всей трудности разграничения тип значения лексемы следует признать релевантным для родоизменяемости.

Ориентация дифференцирующих наименований на массово мужской эталон тоже удерживает лексемы на уровне языковой системы в сфере маскулизма. Но будучи ориентированы „на мужчину”, они не могут не иметь ориентации на лицо, т.е. в принципе они „готовы” к родоизменению, которое не всегда реализуется или реализуется ненормативным путем: ср. *академик, майор, лейтенант, президент, мэр, бизнесмен, клоун, рыболов, швейцар, отставник, головорез, вздыхатель, рогач, бородач* — и *мэриша, клоуниша* (газ.), *швейцарка* (И. Зверев), вполне возможные: *вздыхательница, рогачка, бородачка*.

Удерживаются в сфере неизменяемости дифференцирующие наименования разных лексических групп, обозначающие лицо, в семантику которого по тем или иным причинам недвусмысленно „впяена” сема биологического пола (*священник, поп, ксендз, евнух, скопец, кастрат, насильник, сутенер, бретер, дуэлянт* и под.). Как лексемы в их прямом значении на уровне эталонной, узуальной ситуации они не способны к родоизменяемости.

Не имеют способности к родоизменению дифференцирующие названия лиц, восходящие к историческим эпохам разной отдаленности, не реализовавшие „в свое время” родоизменяемости по причине биологического пола, ориентации на мужской эталон — или по какой-то иной. Эталонная узуальная ситуация их функционирования в современном русском языке обходится одной лексемой, не актуализирующей пол (*боян, гусяр, будочник, вотчинник, вольноотпущенник, временщик, бурмистр, виночерпий, гайдамак, гайдук, грум, гренадер, венценосец, бортник, глашатай* — ср. также *поляне, древляне, гунны, готты*). Это, естественно, не обозначает генерализации и пренебрежения к фактам родоизменяемости (*боярин-боярыня, барин-барыня*).

Многие названия лиц, относящиеся к сфере „экзотического быта” были заимствованы как слова мужского рода и остались родоизменяемыми тоже по причине биологического пола, ориентации на мужской эталон или по причине безразличия к полу именно в связи с их принадлежностью к этой специфической сфере (*арат, гяур, дервиш, драгоман, богдыхан, басурман, визирь, герольд, бай, брамин, акын, ашуг*).

Поскольку в принципе все группы слов мужского рода, хотя и в разной степени, способны обозначать женщин и специальное обозначение женщины может быть актуализировано в связи с разными причинами, слово мужского рода попадает „в распоряжение словообразования”.

Представляется, что в принципе словообразовательные модели женскости не имеют ярко выраженных ограничений семантического порядка. Открытые модели со стандартными отношениями структур мотивирующего (особенно производного) и мотивированного слов не всегда, однако реализуют словообразование (ср. в словаре Ожегова: *депутат-делегатка, диссидент-дека-*

*дентка, заседатель-председательница, волокитчик-вербовщица, головоотяп-ветрогонка, богатей-ротозейка*).

Отсутствие пары при всех кажущихся равными исходных данных заставляет искать незамеченную семантическую разницу между лексемами (ср. объяснимые различия: *диверсант-аспирантка, дирижер-вахтерша, властолюбец-домовладелица, акционер-революционерка, гуманитарий-пролетарка* и под.), или считать дело регистрации лексемы слишком трудным, или склоняться к некорректности словарной подачи материала (ср. *германофоб-англофобка, геометр-географичка*). Незаполненность словообразовательных клеток объясняется разговорно-просторечным характером некоторых формантов (-*ша, -иса, -иня, -ичка*), избирательностью суффикса применительно к неприводным словам (ср. *студентка* — „клоунка”, „виртуозка”), принципиальной закрытостью модели для некоторых структурных типов слов мужского рода определенных словообразовательных типов: *боец, богатырь* — ср. синонимичное *великаниша, вожак, едок, пахарь, лежень, горлан* — ср. *крикунья, враль* — ср. *врунья, подкидыш, драматург, весельчак, дичок* — ср. *дикарка, архивариус* и др., неспособностью вступать в словообразовательные отношения слов на -*а* (*возница, воротила, вояка, писака*) и несклоняемых имен лиц (*буржуа, денди, гидальго* и под.).

Таким образом, поиски ЛСГ, релевантных для родоизменяемости, не могут быть направлены только на тематические группы или на выделение абсолютно корректных групп.

При анализе словарного массива внутри тематических групп или даже независимо от них могут быть полезными в аспекте релевантности намеченные в самом общем виде оппозиции: гипонимическое/дифференцирующее; массово мужской/женский эталон; биологически мужской/женский пол; активная/пассивная лексика; пригодность/непригодность к словообразованию.

При наличии нормативной словообразовательной пары слово мужского рода либо не теряет своей первоначальной способности обозначать и женщину (*учитель, аспирант, делегат, ассистент*), либо специализируется уже на обозначении только мужчины (*ткач, студент, колхозник, губернёр, танцовщик*). Объяснять эти различия только „семантикой социально активного лица” (7) в случаях маскулизма — не представляется бесспорным. Решение вопроса требует привлечение массового текстового материала, который покажет саму возможность обозначения женского пола родоизменяемыми существительными мужского рода.

4.2. Поскольку функционирование КР в сфере названий лиц в принципе связано с установлением коррелятов, то в задачу анализа входит и учет разного рода словообразовательных неологизмов мужского и женского рода. Источником такого материала являются словари и справочники, регистрирующие новые слова (см., например, в словаре *Новые слова и значения* — 15: разг. *опера-*

*торша, чабанка, ополченка, гидесса, почтальонка, дикторша, стриптизка, прибористка, синоптичка*), устная разговорная речь (см., например, в *Русской разговорной речи* — 16: *любимый друг, один деть*), а также различного рода тексты, особенно публицистические и художественные (см., например, *сатанесса* — у А. Белого; *калекиша* — у В. Маяковского; *фотографиня, главарша, критикесса, агрессорка, ветеранка, шоферша, штрейкбрехерша, реваншистка, конокрадка, куртизан* — у А. Вознесенского; *премьерша, балерун* — у Е. Евтушенко; *скалолазочка* — у В. Высоцкого; *хахалиха* — у В. Шукшина, *шефка* — у В. Белова и др.). Очевидно, задача состоит в том, чтобы определить статус этих слов (социально обусловленные или индивидуально-художественные, потенциальные или окказиональные, авторские или расхожие) и определить с учетом словообразовательных факторов их место на шкале от нейтрального разговорно окрашенного новообразования до нарочитого трюкачества.

4.3. В целях детального изучения оппозиций следует принять во внимание все семантико-стилистические дублеты названий лиц женского пола, т.е. учесть возможные парадигматические отношения в этом ряду: *учитель-учительница*, прост. *учителька, учиха*; *биолог* — разг. *биологичка*, шутл. *биологиня*; *крикун-крикунья, крикуша*; *директор* — разг. *директорша, директриса* (в учебных заведениях); при обращении: *голубь-голубка-голуба* (общий род); *добряк-добрячка-добряга* (общий род).

4.4. Необходимо учесть, что при выявлении корреляции можно иметь дело не с целостной лексемой, а лишь с ее лексико-семантическими вариантами. Ср., например: *друг-подруга* и 2. *друг детей*; *баловень-баловница* и 2. *баловень судьбы*; *вор-воровка* и 2. *изменник, злодей*; *дикарь-дикарка* и 2. *едущий отдыхать без путевки; господин-госпожа* и 2. *господин положения*; *дипломат* и 2. *дипломатка* — действующая тонко и умело; *гость-гостья* и 2. *почетный гость*; *грубиян-грубиянка* и 2. *нарушитель правил в спорте*; *кандидат-кандидатка* и 2. *кандидат наук и под.*

4.5. Отнесенность установления коррелята к сфере функционирования КР находит свое подтверждение в том, что коррелятивность обуславливает выявление возможности называния женщин словами „мужского пола” и наоборот (в функциональном статусе этого последнего явления сомневаться трудно).

Слова мужского рода из разряда маркированных в отношении пола, при отсутствии и даже наличии коррелята, сознательно могут быть применены к женщине: *Она пастырь* (бурсак, писец, ловелас, рубака, писец, временщик). *Она мне отец* (брат). Но вряд ли возможно: \**Она студент* (пермяк, гувернер, москвич, старик). На уровне речи возможно аналогичное сознательное „обратное” наименование: *Он прачка* (нянька, домработница, институтка, бесприданница, кокетка, вековуха, красотка, соержанка). *Он мне мама* (бабушка). Но мало вероятно: \**Он студентка, пермячка, ткачиха* (см. у Чехова: „Сущая

институтка! За что он на нас обиделся?"; в переводе Х. Кортасара: „А он, глядите, этакая красотка, прямо настоящая Софи Лорен"). Это явление возможно лишь на уровне речи; нетрудно заметить, что оно является синтаксически обусловленным, предикатным и связано с переносным значением слова, с появлением элемента сравнения (Она как ловелас; Он мне как мама).

4.6. Один из аспектов функционирования КР на языковом и речевом уровне выявляет анализ рода на синтаксическом уровне. Асимметрия морфологического и синтаксического рода наблюдается только в определенных группах — в названиях лиц по профессии, занятиям, роду деятельности, званию, чину (*почтальон, токарь, доктор, техник, диктор, врач, доцент, профессор, президент* и под.), принадлежащих к числу наиболее изученных, хотя и дискуссионных в отношении согласования определения — ср.: Доцент выступила, но вполне ли корректно: Наша доцент (см. у А. Вознесенского: „Говорила биолог, молодая и зяблая..."; „Врач случайная..."). Остается неясной причина синтаксической родонезменяемости других категорий слов, обозначающих мужчину и женщину (*абориген, подросток, предок, адресат, вожак, знаток, подкидыш* и под.). Слова женского рода на уровне языка имеют стабильное, скоординированное соотношение между родом на морфологическом и синтаксическом уровнях.

Существенно также выявить формы согласования при „перекрестном" употреблении лексем, маркированных полом: Она — хороший парень. Он такая баба, но ср. у А. Вознесенского: „Нездешняя ангел на вид"; в переводе Х. Кортасара: „Он такой потаскушка"; у В. Шукшина: „Идет" — сказала Деятель.

В числе задач ФМ А. В. Бондарко выделяет изучение универсальных и коммуникативно ориентированных контекстов и ситуаций речи, релевантных для функционирования граммем той или иной МК.

4.7. Типологии универсальных и коммуникативно ориентированных контекстов и ситуаций употребления применительно к роду/полу нет. Более всего интересует исследователей интерпретация ситуации двух возможных вариантов названия женского пола с актуализацией пола и без нее: *кассир-кассириша, покровитель-покровительница* (ср. у В. Шукшина: „Ей нравилось быть покровительницей молодого врача"). Можно предположить, что контексты ситуации для функционирования рода/пола могут быть выявлены и представлены в разных, пересекающихся аспектах.

а) Со стороны возможностей средств оппозиции („одночленной", привативной, эквиполентной) для актуализации пола (ср. у В. Белова: „Куда супротив Ньюшки этим зоотехникам. Вон зоотехница-то пришла один раз на двор..."). б) Со стороны прямого, узувального употребления лексем пола и „перекрестного" в речи, связанного с функцией не называния, а характеристики — см. синтаксически связанное значение: Он институтка; Она — мужик; см. также сознательный выбор „чужой" лексемы, связанный со сложившимся

социально-смысловыми различиями мужского и женского эталона: П. Антакольский о Б. Ахмадулиной: „Она поэт, а не поэтесса”, у В. Шукшина: „Она была художницей, но художником не была. в) Со стороны различий между референтными (денотативными) и нереферентными (предикативными) лексемами и структурно-семантическими типами предложений (см. у Н. Д. Арутюновой — 27). Так, например, с некоторыми типами предложений неконкретной референции может быть связано употребление мужского рода: „*Профессия — актер* — статья актрисы Н. Гундаревой „В каждом русском ... указатель *К Есенину* намертво вбит” (Е. Евтушенко); *Грабитель банка* не пойман (газ); „*Расплодили хамов*” — В. Шукшин (мн. ч. выступает обезличенно и „обесполоенно”). Однако фактор актуализации пола может работать и в таких типах предложения.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко, А. В., *Грамматическая категория и контекст*, Л. 1971.
2. Бондарко А. В., *Теория морфологических категорий*, Л. 1976.
3. Никитевич В. М., *Грамматические категории в современном русском языке*, М. 1963.
4. Мучник И. П., *Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке*, М. 1971.
5. *Грамматика современного русского литературного языка*, М. 1970.
6. *Русская грамматика*, М. 1980.
7. Брагина А. А., *Наблюдения над категорией рода в русском языке*, ВЯ 1981, № 5.
8. Милославский И. Г., *Морфологические категории современного русского языка*, М. 1981.
9. *Хроника конференции „Принципы функциональной грамматики” 1 - 2 апреля 1983 г. в Звенигороде*, Изд. АН СССР, Серия лит. и яз. 1983, т. 42, № 6.
10. Бондарко А. В., *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*, Л. 1983.
11. *Словарь названий жителей (РСФСР)*, под ред. А. М. Бабкина, М. 1964.
12. *Систематический словарь занятий*, М. 1959.
13. Мойсеев А. И., *Наименования лиц по профессии и толковые словари современного русского литературного языка*. В кн: *Современность и словари*, Л. 1978.
14. Белоусова А. С., *Русские имена существительные со значением лица*, ВЯ 1981, № 3.
15. Котелова Н. З., *Словарь новых слов и значений*, М. 1970.
16. *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*, М. 1983.
17. Зализняк А. А., *Русское именное словоизменение*, М. 1968.
18. Протченко И. Ф., *О родовой соотносительности названий лиц*. В кн: *Развитие грамматики и лексики современного русского языка*, М. 1964.
19. Аверьянова А. П., *Личные существительные с суффиксом -ша-*, „Филологические науки” 1959, № 3.
20. Янко-Триницкая Н. А., *Наименование лиц женского пола существительными мужского рода*. В сб. *Развитие словообразования современного русского языка*, М. 1966.
21. Земская Е. А., *О соотносительности однокоренных существительных мужского и женского рода со значением лица*, РЯНШ 1970, № 5.
22. Мучник И. П., *Категория рода и ее развитие в современном русском языке*. В кн.: *Развитие современного русского языка*, М. 1963.

23. *Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского языка*, М. 1968.
24. Лыков А. Г., *Современная русская лексикология (Русское окказиональное слово)*, М. 1976.
25. Протченко И. Ф., *Названия лиц женского пола в спортивной терминологии*, ФН 1961, № 2.
26. Ломтев Т. П., *Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики (Термины родства в русском языке)*, ФН 1964, № 2.
27. Арутюнова Н. Д., *Предложение и его смысл*, М. 1976.
28. Ожегов С. И., *Словарь русского языка*, М. 1978.

THE FUNCTIONAL ASPECT OF THE CATEGORY OF GENDER OF NOUNS  
IN PERSONAL NAMES OF SEXES  
(IN THE QUESTION OF TYPOLOGY OF RELATION: GENDER — SEX)

by

L. A. ВУКОВА

Summary

In the present dissertation the author presented an attempt of application of the theory of functioning morphological categories to the specific non-reducible to the only interpretation of the category of classification of the genre of nouns.

The main research aim of the author was:

- to explain all principally possible types of relations between the gender and sex in the sphere of personal names on the level of dictionary and practical use in the speech process,
- the discovery and presentation of various factors of a linguistic and extra-linguistic character, determining these types of relationships,
- determination of the aspect and the method of investigation of relation: gender — sex in the names of persons on the basis of material of separate lexical-semantic groups and the overall dictionary mass.